

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ НОВГОРОДЕ «СОВЕТ ГОСПОД»?<sup>1</sup>



Новгородский «совет господ» относится к тем феноменам историографии средневековой Руси, которые, появившись в ней весьма давно и, что существеннее, вне критической рефлексии, длительное время существовали, как сейчас принято выражаться, по умолчанию. Неудивительно, что в 90-е годы XX в., когда волны, расходящиеся от ставших тогда чрезвычайно популярными различных постмодернистских концепций, достигли, наконец, русской медиевистики, он пал одной из первых жертв. И, надо признать, что в отличие от многих других «деконструкций» покушение на «совет господ» имело, на первый взгляд, весьма серьезные основания.

Первым, кто стал целенаправленно искать в средневековом Новгороде некий правительственный совет, был профессор Варшавского университета А. И. Никитский (1842–1886), автор ряда классических работ по истории Новгорода в старой русской историографии. В 1869 г. он опубликовал небольшую статью, где ставил этот вопрос. До сих пор она остается лучшим исследованием проблемы, несмотря на всю ее дискуссионность и, так сказать, дедуктивный характер. Последний состоит в том, что историк знал заранее, что таковой совет должен был в Новгороде быть, и вполне сознательно искал его в источниках, о чем он сам *expressis verbis* и писал. Первоначально, правда, отмечал А. И. Никитский, «он как бы тонет в так называемом историческом мраке и всплывает на поверхность только в конце XIII столетия»<sup>2</sup>. Как раз тогда, а именно в ганзейском документе 1292 г., по мнению исследователя, новгородский совет впервые упоминается в письменном источнике. Между прочим, важнейшим достоинством статьи А. И. Никитского (как и других его работ) было широкое — и даже иногда преимущественное — использование документальных источников, в том числе и прежде всего латино- и нижненемецкоязычных документов, связанных с деятельностью существовавшей в Новгороде ганзейской конторы. Никогда больше эти ценнейшие материалы не привлекались столь широко для изучения внутренней истории «севернорусских народоправств», а историки советского времени вообще предпочитали — за очень единичными исключениями, о которых ниже, — обходиться при характеристике социально-политического строя Новгорода без них.

К сожалению, преждевременная кончина прервала труд А. И. Никитского, и работал он лишь с небольшой частью ганзейских документов. Достаточно сказать, что в статье о «совете господ» он пользовался только изданием К. Э. Напьерского, где изданы немногие избранные документы, и первыми четырьмя томами собрания Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch (далее — LECUB), которые доходят до 1413 г. Между тем, как мы увидим, ключевые данные для решения вопроса о новгородском совете относятся к более позднему времени. Тем не менее, повторю, что те очень недостаточные сведения, которые были в его распоряжении, А. И. Никитский изучил весьма полно (хотя и несколько односторонне).

Основные выводы А. И. Никитского заключаются в следующем.

В Новгороде, по крайней мере, с XIII в. существовал «высший правительственный совет» или сенат, который сначала действовал на Городище, о чем якобы свидетельствует ганзейский документ 1292 г., а потом был перенесен в «самый Новгород». В немецких источниках этот

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ (грант № 11-01-00099а). Предварительный текст этой работы обсуждался 28 июня 2011 г. на заседании Центра по истории Древней Руси ИРИ РАН. Благодарю всех принимавших участие в обсуждении: А. А. Горского, Е. Е. Иванову, В. А. Кучкина, А. В. Лаушкина, С. В. Полехова, П. С. Стефановича, а также С. М. Михеева, П. В. Петрухина, Е. Р. Сквайрс, Б. Н. Флорю за ценные советы и замечания.

<sup>2</sup> Никитский А. Очерки из жизни Великого Новгорода. I. Правительственный совет // ЖМНП. 1869. Ч. CXLV. № 9–10. С. 294–295.

«сенат» называется «совет бояр», а в русских (как с осторожностью предполагал историк) — «думой». Относительно состава этого органа А. И. Никитский писал очень неопределенно. Он считал, что в «совет» входили новгородский владыка, княжеский наместник, посадник, тысяцкий и пять кончанских старост, но в то же время, исходя из идеи о том, что *heren* немецких источников — это бояре, и отождествляя с членами совета «золотых поясов» документа 1331 г., приходил почему-то к выводу о том, что *heren* (т. е. членами «совета») «были прежде всего старые посадники и тысяцкие»<sup>3</sup>.

Несколько иначе смотрел на проблему В. О. Ключевский, считавший «совет господ» важнейшим органом власти в Новгороде, который «явственно возвышается над отдельными сановниками». Вопреки А. И. Никитскому, В. О. Ключевский отличал «господ» от 300 «золотых поясов» уже на том основании, что толпа в 300 человек не могла, по его мнению, вести переговоры с немцами. С этим замечанием, безусловно, можно согласиться. Об истории и о составе новгородского «совета» историк писал весьма неопределенно: по-видимому, он полагал, что тот существовал еще до XIII в., но с этого столетия в него входят старые посадники и тысяцкие, а «княжеские бояре» исчезают из него. В XV в. «совет» состоял из князя, когда он находился в Новгороде, владыки, степенных посадника и тысяцкого, старых посадников и тысяцких, старост концов и сотских. При «совете» состояло несколько биричей. В середине XV в. «совет» мог насчитывать 50 человек<sup>4</sup>.

Рассуждения А. И. Никитского и В. О. Ключевского о новгородском «совете» лишь отчасти опирались на источники (в основном очень немногие ганзейские документы, см. ниже). Большую роль играли косвенные аналогии (например, отождествление лиц, привесивших в 1478 г. печати к новгородской грамоте, с 58 членами «совета»), сопоставление с античными обществами и логика.

Несмотря на то что «совет господ» упоминался почти в любом труде о средневековом Новгороде, ничего принципиально нового в последующее время в изучение проблемы внесено не было<sup>5</sup>. Все ученые, во-первых, шли вслед за А. И. Никитским, не расширив принципиально источниковую базу, во-вторых, привлекали только отдельные, казавшиеся им наиболее характерными, часто случайно попавшие в поле зрения документы.

Это, вероятно, надо связывать с тем, что в советское время интерес к ганзейским источникам, по разным причинам, ослабел. Единственным исключением можно, пожалуй, считать отрицательный результат: В. Л. Янин и К. Расмуссен убедительно показали, что 300 «золотых поясов» никак не могли быть «советом господ»<sup>6</sup>.

Противоречивость и слабая обоснованность интерпретаций, предложенных А. И. Никитским и В. О. Ключевским, отсутствие упоминаний «совета» в русских источниках не могли не породить скептического взгляда на «совет господ», и в конце XX в. он ярко проявился в работах ряда исследователей, прежде всего шведского историка Юнаса Гранберга.

Острые своей критики Ю. Гранберг направил против двух ганзейских документов, 1292 и 1331 г., в которых обычно усматривали наиболее ранние упоминания в источниках «совета господ».

По поводу первого из них — отчета ганзейского посольства — шведский исследователь абсолютно прав: ни о каких советах как институтах власти в нем речи не идет. Ю. Гранберг верно замечает, что данный «текст не содержит выражений, которые могли бы быть переведены,

<sup>3</sup> Никитский А. Очерки из жизни Великого Новгорода. I. С. 299–301.

<sup>4</sup> Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. М., 1909. С. 191–196.

<sup>5</sup> Историографию вопроса см.: Гранберг Ю. Совет господ Новгорода в немецких источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000. С. 78–79.

<sup>6</sup> См.: Янин В. Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики // История СССР. 1970. № 1. С. 50; Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 58; Расмуссен К. «300 золотых поясов» древнего Новгорода // Scandoslavica. Copenhagen, 1979. Т. 25. С. 95–100.

как «совет господ» или нечто близкое ему<sup>7</sup>. Действительно, в этом документе о совещаниях с участием новгородцев говорится дважды, но это, несомненно, во-первых, совещания *ad hoc*, а не заседания какого-то органа власти; во-вторых, это в любом случае не совещания собственно новгородцев (каким по идее должен быть «совет господ»), а совещания новгородцев с князем и его людьми<sup>8</sup>.

Со вторым документом — известным посланием немецких купцов в Ригу о конфликте между ними и новгородцами в 1331 г. — дело обстоит сложнее. Адресанты сообщают, в частности, о выплатах, которыми они вынуждены были компенсировать нанесенный новгородцам ущерб: «Это стоило нам еще 20 гривен [серебра], которые мы обещали тем господам Новгорода, а также глашатаям *bi der heren rade* (курсив мой. — П. Л.), которым мы дали обещания» (*mer dat costede vns. XX. stucke de wi vorloueden solcken heren van Nogarden. vnn och den roperen bi der heren rade. den wi louede louet hadden*)<sup>9</sup>. Именно на основании этого фрагмента А. И. Никитский заключал, что в Новгороде существовал сенат под названием «совет бояр» (*heren ганзейских документов он считал боярами*)<sup>10</sup>, а В. О. Ключевский ввел и сам термин — «совет господ»<sup>11</sup>, впоследствии утвердившийся в историографии. Относительно недавно, однако, выяснилось, что твердых аргументов в пользу такой интерпретации текста нет. Сомнения в возможности на основании документа 1331 г. предполагать реальное существование в Новгороде «совета господ» были высказаны Е. И. Чебановой<sup>12</sup>, но наиболее серьезные аргументы в этом плане были приведены Ю. Гранбергом, который опирался на лингвистическую консультацию Е. Р. Сквайрс.

Речь идет о том, что грамматическая форма словосочетания *bi der heren rade* не подразумевает устойчивого композита, типа \**herengat*, что давало бы в переводе «совет господ»<sup>13</sup>. Об этом свидетельствует, прежде всего, то, что артикль относится к слову *heren*, а не к слову

<sup>7</sup> Гранберг Ю. Совет господ Новгорода в немецких источниках. С. 82.

<sup>8</sup> См. в оригинале: *Idem vero nos ad hospicium nostrum iusserunt accedere, dicentes, se velle referre domino regi et Nogardensibus hec, ut et ipsi deliberantes et consilii insidentes finale nobis responsum pro loco et tempore dare possent. Tunc siquidem dominus rex cum suis principibus et Nogardensibus per 14 dies in Gerceke vacabant consilii, quid nobis super legationem nostram commode responderet...* (Hansisches Urkundenbuch (далее — HUB) / bearb. von K. Höhlbaum. Halle, 1876. Bd. I. S. 378). Ср.: Никитский А. Очерки из жизни Великого Новгорода. I. С. 297–298 (А. И. Никитский считал, что в то время новгородский «правительственный совет» заседал в Городище и только потом, с усилением «народного элемента», был перенесен в Новгород). Значение топонима Gerceke в этом документе не ясно, этимологически он вроде бы может быть связан с Ярославовым дворцом, но контекст располагает больше в пользу Городища (см. об этом: Клейнберг И. Э. О топониме Gerceke в источниках XIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. [Вып.] IV. С. 124–126). В вышедшем недавно переводе документа 1292 г., сделанном Г. Дашевским, Gerceke передается как «Церковь», что не имеет никаких оснований (Басалыго Л. А. Новгородские тысяцкие. Ч. 1 // Новгородский исторический сборник. СПб., 2008. № 11 (21). С. 65).

<sup>9</sup> Русско-ливонские акты (= Russisch-Livländische Urkunden), собр. К. Е. Напьерским. СПб., 1868 (далее — РЛА). С. 61.

<sup>10</sup> Никитский А. Очерки из жизни Великого Новгорода. I. С. 299, 301.

<sup>11</sup> Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. С. 545. Историк с осторожностью допускал также, что «совет бояр» мог называться в Новгороде «малым вечем» (Там же. Прим. на с. 197–198). Если бы это было так, то это была бы прямая параллель «малому вечу» — правительственному совету — далматинских городов. Однако новгородское «малое вече» может быть выведено только из упоминания «большого/большого веча» в «Словесах избранных» (ПСРЛ. СПб., 1853. Т. VI. Софийские летописи. С. 3; М., 2004. Т. XLIII. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. С. 190) — произведении, во-первых, новгородском, что отмечает и сам В. О. Ключевский, во-вторых, имеющем характер полного риториче- ского памфлета. Что именно имел в виду московский, очевидно, автор «Словес», говоря о «большем»/«большом» вече, можно только гадать.

<sup>12</sup> Чебанова Е. И. «300 золотых поясов»: проблемы интерпретации термина // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сб. научных работ. СПб., 1999. Вып. I. С. 180–182. Исследовательница склонна считать, что ганзейские купцы могли просто перенести название своих городских учреждений на новгородские (Там же. С. 182), но, во-первых, органов власти с названиями типа «совет господ» в ганзейских городах не было (были просто советы); во-вторых, пример такого «переноса», который приводит она, — из послания новгородского владыки в Ригу: «Посадникам рисковим и к ратманам и ко всем людям добрым» — как раз крайне неудачен, поскольку использование слова «посадник» — это не перенос названия, а перевод иноязычного термина (точно так же и немцы почти никогда не транслитерировали в своих документах русское слово «посадник», а передавали его обычно с помощью термина «бургграф» (см.: Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М., 2002. С. 127)). Слово «ратманы», для которого не нашлось точного соответствия, не было переведено.

<sup>13</sup> Именно так (совершенно правильно) понимал дело М. Ф. Владимирский-Буданов, считавший, что в немецких источниках и упоминается «правительственный совет (Hengen-Rath)» (Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М., 2005 [Киев, 1908]. С. 90). Увы, этот термин отсутствует не только в новгородско-ганзейских источниках, но и, судя по словарям, в средненижне-немецком языке вообще (см.: *Mittelniederdeutsches Handwörterbuch / begr. von A. Lasch und C. Borchling, fortgeführt von G. Cordes, hrsg. von D. Möhn. Neumünster, 2004. Bd. II. T. 1. Sp. 283–284; Schiller K., Lübber A. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bremen, 1876. Bd. II. S. 252–253).*

*rade*. Ю. Гранберг на этом основании предполагал, что в источнике речь идет не о совете как об органе власти, а о процессе совещания (нечто вроде *consilia* в цитирувавшемся выше латинском документе) либо об однократном собрании или совещании (то, что было мной выше названо совещанием *ad hoc*)<sup>14</sup>. Е. Р. Сквайрс предположила, что «конструкцию *bi rade* (без артикля) следует понимать, скорее, в значении “по рекомендации” [господ]»<sup>15</sup>, т. е., возможно, здесь вообще не идет речи о совещании в каком бы то ни было смысле.

С лингвистической точки зрения такая трактовка вполне возможна, однако этим вопрос интерпретации интересующего нас фрагмента не снимается. Получающаяся в таком случае в переводе фраза: «Это стоило нам еще 20 гривен [серебра], которые мы обещали тем господам Новгорода, а также глашатаям по рекомендации/совету господ, которым мы дали обещания» выглядит несколько неловко. Не очень понятно, что именно, когда и для чего немцы обещали господам. При традиционном понимании фраза кажется более ясной: обещания заплатить нечто были даны глашатаям, с которыми немцы имели дело в ходе переговоров. Но это не самое главное. Новая интерпретация не отменяет необходимости объяснения того, кто были эти «господа», имевшие в своем распоряжении глашатаев (*ropereu*).

Глашатаи здесь — это, несомненно, люди достаточно высокого социального статуса, поскольку они вместе с другими новгородскими должностными лицами получают компенсацию от немцев. По-видимому, как это уже предполагалось<sup>16</sup>, речь идет о высокопоставленных биричах, вроде упомянутого в церковном Уставе Всеволода Мстиславича Мирошки, который участвовал в принятии важнейших решений<sup>17</sup>. Бирич Мирошка был вполне обоснованно, как представляется, отождествлен Б. Н. Флорей с Мирошкой Нездиничем, занимавшим в конце XII в. должность посадника<sup>18</sup>. Следует согласиться с В. О. Ключевским в том, что этими биричами (*ropereu*) в документе 1331 г. являются три новгородских представителя: Матфей Козка, Сильвестр и староста Олферий. Именно они добивались для себя личных выплат со стороны немцев: Олферий и Сильвестр требовали по 5 гривен каждому, а Матфей Козка — багряного платья. О такого рода притязаниях послов, которые первоначально представляли новгородцев, — Филиппа и старосты Сидора — ничего не известно. Возможно, к этим же *ropereu* нужно относить двух других новгородских представителей, Захарию Феофилактовича и посадничья сына Якова Семеновича, которые подключились к переговорам еще позднее, но так же, как и трое указанных выше лиц, потребовали у немцев для себя материального вознаграждения — по фиолетовому платью<sup>19</sup>. Только им, этим новгородским «переговорщикам», и еще «господам Новгорода» (о которых ниже) могли нечто обещать новгородцы в индивидуальном порядке, помимо общей компенсации. О реализации этих обещаний и идет, очевидно, речь во фрагменте с псевдоупоминанием «совета господ».

Итак, «совета господ», по-видимому, в документе 1331 г. нет, но место одной загадки занимает другая — возникает вопрос о том, кто такие «господа Новгорода», которые после того, как перестает упоминаться вече, ведут переговоры с ганзейскими купцами (и даже однажды сами являются к ним) и с которыми, несомненно, связаны биричи-*ropereu* (немцы платят последним именно по «совету» или по «рекомендации» «господ»). В документе 1331 г. состав этих «господ» не раскрыт.

<sup>14</sup> Гранберг Ю. Совет господ Новгорода в немецких источниках. С. 83.

<sup>15</sup> Сквайрс Е. Р. Ганзейские грамоты как языковое свидетельство по истории Новгорода Великого.

URL: [http://www.eu.spb.ru/images/centres/respub/novgorodica/Skvairs\\_Novgorodica.pdf](http://www.eu.spb.ru/images/centres/respub/novgorodica/Skvairs_Novgorodica.pdf) (дата обращения: 08.03.2011).

<sup>16</sup> См.: Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. С. 188–189; Флоря Б. Н. К изучению церковного устава Всеволода // Россия в средние века и новое время. Сб. ст. к 70-летию Л. В. Милова. М., 1999. С. 91–92.

<sup>17</sup> Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот Я. Н. Ццапов. М., 1976 (далее — ДКУ). С. 155.

<sup>18</sup> Флоря Б. Н. К изучению церковного устава Всеволода. С. 92.

<sup>19</sup> РЛА. С. 59.



Можно лишь догадываться, что если среди их представителей были два сына посадников, один из которых (Матфей Козка) сам вскоре стал посадником (пример Мирошки Нездичича показывает, что высокий статус биричей не должен вызывать удивления), то это должны были быть самые высокопоставленные лица, вероятнее всего, формировавшие новгородское правительство. Несомненно, к «господам Новгорода» принадлежал посадник, о чем свидетельствует фрагмент документа, в котором идет речь об отказе немецких купцов нести ответственность за убийство в Дерпте зятя посадника Иоанна: «на это немцы не шли по отношению к господам Новгорода» (*des mochten se an den heren van Nogatden nicht hebben*)<sup>20</sup>. Требования от имени «господ Новгорода» выдвигал именно посадник.

В самом конце переговоров еще раз появляются «господа Новгорода». Они приходят к немцам, прощают им 20 гривен серебра, «вопреки воле посадника» (*ane des borchgreuen danc*)<sup>21</sup>, и после этого, наконец, вопрос оказывается урегулированным. Таким образом, именно «господа Новгорода» принимают окончательное решение по поводу этого спорного вопроса, причем это решение, очевидно, не требует вечевого утверждения. Скорее всего, вече либо прямо, либо «по умолчанию» делегировало «господам» соответствующие полномочия — если у новгородцев принятое «господами» решение не вызывает протеста, оно считается принятым. Посадник хотя и принадлежит к «господам», не имеет по отношению к ним директивной власти и, напротив, подчиняется их коллективному решению.

А. И. Никитский был склонен усматривать в «господах» документа 1331 г. бояр<sup>22</sup>, но это совершенно невероятно. В документе сказано, что «господа Новгорода» приходили на переговоры к немцам: «Тогда пришли господа Новгорода и простили немцам 20 гривен серебра...» (*Do quemen de heren van Nogatden vnn vorgheuen den duschen. den XX. stucke siluers...*)<sup>23</sup>. Ясно, что вести переговоры с немцами не могли все бояре *in corpore* (новгородских бояр было не менее нескольких сотен, а в Ганзе слово «боярин» применительно к новгородской элите хорошо знали<sup>24</sup>). Из контекста документа следует, что это были высшие должностные лица Новгородской республики.

Ю. Гранберг проигнорировал ганзейский документ 1375 г., который, между прочим, был отмечен в связи с проблемой «правительственного совета» еще А. И. Никитским<sup>25</sup>. А в нем прямо названы «новгородские господа» как орган власти. В документе рассказывается, как ганзейские купцы, пытаясь добиться решения интересующего их вопроса, обратились сначала к архиепископу, потом к посаднику, и тот заявил им: «Он пошлет к господам, и они [об этом] посоветуются» (*He wolde beboden de heren und se wolden sik bespreken*)<sup>26</sup>.

Определенные сведения о составе «господ Новгорода» есть в более поздних ганзейских документах.

Еще А. И. Никитский обратил внимание на один из документов, связанных с посольством представителя ревельского бургомистра и совета Бернда Лемгова в Новгород весной 1406 г., и на его основании судил о составе новгородского «правительственного совета»<sup>27</sup>. Более четкие

<sup>20</sup> Там же.

<sup>21</sup> Пользуясь случаем, исправляю ошибку в переводе: Лукин П. В. «300 золотых поясов» и вече. Немецкий документ 1331 года о политическом строе Великого Новгорода // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2010. Вып. 71 (3–4). С. 275.

<sup>22</sup> Никитский А. Очерки из жизни Великого Новгорода. I. С. 299.

<sup>23</sup> РЛА. С. 59.

<sup>24</sup> См., например: In giffte desse breves is uns desse ingeslotene breff von enen bayaren van Nougarden geantwordet... («При отправке этого послания нам было передано новгородским боярином это приложенное письмо...») (HUB / bearb. von K. Kunze. Leipzig, 1899. Bd. V. 1392 bis 1414. S. 551).

<sup>25</sup> Никитский А. Очерки из жизни Великого Новгорода. I. С. 299–300.

<sup>26</sup> Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten (далее — LECUB) / hrsg. von F.G. von Bunge. Reval, 1857. Bd. III. Sp. 298.

<sup>27</sup> Там же. С. 301.



выводы, уже в советское время, сделал И. Э. Клейненберг, по мнению которого в них под именем «de heren van Nougarden» («господа Новгорода») как раз и выступает «совет господ»<sup>28</sup>. Действительно, как совершенно верно отмечает исследователь, в послании ревелского совета немецким купцам в Новгороде сказано, что «мы составили послание новгородским господам... и доверили послание Бернду Лемгову для передачи» (wy enes breves vorramet hebben an de heren van Naugarden ... und hebben den breff Bernt Lemeghouwen medeghedan)<sup>29</sup>. Само же это послание адресовано новгородскому архиепископу, посаднику, тысяцкому и старостам пяти новгородских концов (den ertzebiscope to Naugarden und den borchgreven und den hertogen und de olderlude an viff enden van Naugarden)<sup>30</sup>. 11 мая Бернд Лемгов сообщал в Ревель, что в первый же день своего пребывания в Новгороде он ходил к «епископу, и посаднику, тысяцкому и пяти старостам пяти концов» (des ersten dages, do ik kwam to Nougarden, do gink ik to dem bioscope unde borghgreven, hertegen unde to vyf olderluden van vyf enden). И. Э. Клейненберг полагал, что Б. Лемгов «посетил лично каждого из вышеназванных господ»<sup>31</sup>, но, если учесть, что на это у него был только один день (уже следующим утром он, как мы увидим ниже, вновь встречался со всеми ними), по меньшей мере, таким же вероятным кажется другое понимание. Трудно представить, что он успел обойти за столь короткое время все пять новгородских концов, чтобы быть представленным пяти кончанским старостам. Он, конечно, мог в течение дня объехать все нужные ему «адреса» на коне, но вполне возможно, что он присутствовал на некоем предварительном совещании, более официальная часть которого состоялась на следующий день утром, когда указанные лица пришли вместе на владычный двор. Там же они заявили немецкому посланнику, что окончательный ответ они могут дать только после того, как посоветуются с Великим Новгородом (Des geven se my to antworde, dat se sik bespreken wolden myd Grote Nougarden unde wolden my dan eyn antworde geven)<sup>32</sup>.

Состав этих совещаний вырисовывается весьма ясно: архиепископ, посадник, тысяцкий и пять кончанских старост — всего восемь человек<sup>33</sup>. Тем не менее, констатируя этот очевидный факт, А. И. Никитский добавляет, что «вообще» членами совета (Heren) были бояре и, прежде всего, их высший слой — старые посадники и тысяцкие<sup>34</sup>. Аргументов для такого утверждения два: сопоставление с древним Римом, где, как известно, бывшие магистраты (например, бывшие консулы — консуляры) оказывались членами Сената, и факт участия старых посадников в новгородских дипломатических миссиях. Ни то, ни другое, однако, прямых данных о составе совета заменить не может. На владычном дворе весной 1406 г., как мы видели, собрались отнюдь не новгородские «консуляры», «эдилитии», а исключительно действующие должностные лица, именно они называются в источнике *de heren van Naugarden* — «новгородские господа».<sup>35</sup>

<sup>28</sup> Клейненберг И. Э. Известия о новгородском вече первой четверти XV века в ганзейских источниках // История СССР. 1978. № 6. С. 172–173.

<sup>29</sup> HUB. Bd. V. S. 368.

<sup>30</sup> Ibid.

<sup>31</sup> Клейненберг И. Э. Известия о новгородском вече первой четверти XV века в ганзейских источниках. С. 173.

<sup>32</sup> HUB. Bd. V. S. 370.

<sup>33</sup> И. Э. Клейненберг пишет, что «о таком же составе совета говорит и В. Л. Янин, ссылаясь на аналогичный ганзейский документ 1401 г.» (Клейненберг И. Э. Известия о новгородском вече первой четверти XV века в ганзейских источниках. Прим. на с. 173). Однако в указанном месте монографии о новгородских посадниках В. Л. Янин ссылается вовсе не на «аналогичный документ», а на тот же самый документ — отчет Б. Лемгова о посольстве в Новгород, и не 1401, а 1406 г. (Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 327), просто опубликованный не в HUB, а в другом сборнике ганзейских документов (LECUB / hrsg. von F. G. von Bunge. Reval, 1859. Bd. IV. Sp. 531–532), но неверно датирует его и к тому же передает со множеством ошибок, обесмысливающих текст. В новом издании той же книги все ошибки, допущенные при передаче текста, сохранены, вновь приведена неверная дата, но зато вообще отсутствует ссылка на публикацию (Янин В. Л. Новгородские посадники. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2003. С. 420).

<sup>34</sup> Никитский А. Очерки из жизни Великого Новгорода. I. С. 301–302.

<sup>35</sup> В послании из Дерпта в Ригу о положении немецких купцов в Новгороде, датирующемся предположительно 13 августа 1412 г., как может показаться, «господами» названы лишь три лица: архиепископ, посадник и тысяцкий (...antwarden ze uns, dat id nicht vele vorslughe, dat men dar den heren, alze deme ertzebischope, borchgreven unde hertoghen umme screve...) (HUB. Bd. V. S. 556), но здесь, очевидно, имеется в виду не весь состав «господ», а только те — наивысшие из них — с кем регулярно вступала в переписку Ганза. Понятно, что сноситься с кончанскими старостами было не так важно, как с тремя главными магистратами.

«Господа» (*de heren*) не были однозначным термином, обозначающим политический институт, о чем свидетельствует вариативность словосочетаний, в которых это слово встречается. Например, в одном и том же документе 1412 г. «господа» сначала названы «господами в Новгороде» (*de heren to Nougarden*), а потом — «новгородскими господами», «господами Новгорода» (*de heren van Nougarden*)<sup>36</sup>. Кроме того, надо согласиться с Ю. Гранбергом в том, что *de heren* применительно к Новгороду было многозначным понятием. В определенных контекстах так могли, например, называться бояре, это могло быть просто почетным наименованием лиц, занимавших высокие посты («господа, господин» такой-то/такие-то)<sup>37</sup> и тд. Важно, что контексты с *de heren*, которые подразумевают совещания высших должностных лиц Новгородской республики, *есть*.

В связи с этим, а также в связи с отсутствием всяких упоминаний новгородских «господ» в русских источниках встает вопрос о том, было ли это совещание *ad hoc* (существование таких совещаний допускают Ю. Гранберг и другие «скептики») или некий постоянный орган власти?

То, что *de heren* (господа) были постоянно действующей инстанцией, хорошо видно из ганзейского документа от 28 мая 1409 г., в котором скрупулезно перечислены несправедливости, учиненные немецким купцам новгородцами. В частности, в нем говорится, что 31 марта некто Ханс ванме Лоэ (*Hans vanme Loe*), вышедший с Немецкого двора, был избит и ограблен. Ганзейские купцы «пришли тогда к господам» (*do... quemen vor de heren*) и пожаловались на это. От имени «господ» им ответил тысяцкий (*de hertoghe*). Результат был отрицательным: ущерб не только не был компенсирован, но, по словам немцев, тысяцкий их высмеял, заявив, что по ночам выходить со двора им не следовало (*belachede uns darto, warumme dat wy by nachte voren*)<sup>38</sup>. Тем не менее, очевидно, что «господа», в принципе, занимались разбором такого рода жалоб, а среди них конкретно отвечал за это тысяцкий.

В другом документе (предположительно 28 октября 1411 г.) хорошо видно место «господ» в структуре новгородских органов власти. Посадник и тысяцкий сообщают немецким купцам, что по интересующему их вопросу они «совещались со своим отцом архиепископом, и с господами, и с Новгородом» (*sik besproken hadden myt erem vadere dem ertzebissschop unde myt den heren unde myt den Nougarden*)<sup>39</sup>, и только в результате этих совещаний было принято решение.

В упоминавшемся выше послании немецких купцов в Ревель 28 мая 1409 г. этот высший по сравнению с «господами» орган прямо назван вечем (*ding*). В нем рассказывается о возвращении в Новгород посольства, отправленного новгородцами в Швецию, где они пытались уладить конфликт, возникший из-за того, что Выборгский наместник Тур (Турд) Бонде велел конфисковать у русских купцов их товар. В ответ на претензии новгородцев Тур Бонде выдвинул свои: акция шведов была, по его словам, ответом на то, что ранее «люди тысяцкого» (*des hertoghen lude*) «побили и ограбили» (*ghehouwen unde berowet hebben*) его племянника, который был отправлен в Новгород в качестве посланника. О перипетиях конфликта вернувшимися новгородскими послами был «дан ответ перед господами» (*dyt antworde is dus ghevalen vor den heren*), однако окончательный отчет послы дали на вече: «...на общем вече на это был такой дан ответ, что послы спрашивали у господина Турда о товаре, который они [новгородцы] потеряли и которое [у них] забрали, находится ли он в Нарве...» (*...in den ghemenen dinghe is et aldus up antwordet, dat de boden her Turde hadden ghevraghet dat gud, dat se verloren unde ghenomen wart, of dat tor Narwe were...*)<sup>40</sup>. И. Э. Клейненберг считает, что тысяцкий манипулировал вечем с тем, чтобы обойти неудобный для него вопрос о собственной ответственности за разжигание конфликта

<sup>36</sup> HUB. Bd. V. S. 552.

<sup>37</sup> Гранберг Ю. Совет господ Новгорода в немецких источниках. С. 83–87.

<sup>38</sup> HUB. Bd. V. S. 464.

<sup>39</sup> Ibid. S. 533–534.

<sup>40</sup> Ibid. S. 464.

и натравить новгородцев на Ливонию<sup>41</sup>. Это вполне вероятно, по крайней мере, похоже, что немецкие купцы в Новгороде считали именно так. Из этого следует, что реальные причины конфликта обсуждали именно «господа», а для принятия решения на вече вопрос был уже заранее «подготовлен». В другом, уже упоминавшемся, документе 13 августа 1412 г. ганзейцы прямо жалуются на то, что новгородские «господа» спрятали их послание «и вовсе не поставили об этом в известность русских купцов и общину» (т. е., видимо, то же вече) (*ze de breve vort by sik ligghen leeten unde doen deme Russchen cormanne unde der gemeenheit dar nictes nicht van to wetende*)<sup>42</sup>.

Тем не менее, не только формально, но и фактически вече было высшим по отношению к «господам» органом: в 1409 г. немцы специально отмечают, что такая манипуляция была нужна тысяцкому, в том числе «чтобы общину [новгородскую] лучше удовлетворить» (*umme de mente de bat to vornoghen*). Вече, таким образом, оказывается политическим органом, представляющим новгородскую «общину» в целом, а «господа» — заметим, кстати, что они в течение короткого, вероятно, срока собираются дважды, — более или менее постоянно действующей новгородской правительственной коллегией.

Выявляется своеобразная властная пирамида: узкое совещание высших магистратов (архиепископа, посадника и тысяцкого) — более широкое совещание «господ» — вече («Новгород», в других документах «Великий Новгород», «весь Великий Новгород», «община»).

Кроме того, вопреки утверждению Ю. Гранберга, есть и прямые упоминания о существовании в Новгороде *совета*. Они содержатся в двух посланиях любекских бургомистра и совета в Новгород 1448—1449 г. Никто из историков, занимавшихся проблемой «совета господ», не обратил до сих пор внимания на эти документы, за исключением того же Ю. Гранберга, который упоминает первый из них.

Послание, датирующееся 10 ноября 1448 г., адресовано «достойным и уважаемым мудрым мужам, господам посадникам, тысяцким, совету и общине Великого Новгорода [в другом месте: всему Великому Новгороду]...» (*Den werdigen unde ersamen wysen mannen, heren borchgraven, hertogen, deme raede unde den gemenen van Groten Naugarden; Ersamen unde werdigen wysen manne, heren borchgreven, hertogen, rade unde gemenen Groten Naugarden*)<sup>43</sup>. Inscriptio второго послания от 12 июля 1449 г. гласит: «Достойнейшему в Господе отцу и господину, господину архиепископу Новгородскому и Псковскому епископу, достойным и уважаемым мудрым людям, господам посадникам, тысяцким, совету и общине Великого Новгорода» (*Den erwerdigesten in Gode vadere unde heren, heren ertzebisschoppe van Groten Naugarden unde Pleskouwe bisschoppe, den erwerdigen unde ersamen wisen mannen, heren borgermesteren, hertogen, deme rade unde dem gemenen van Groten Naugarden*)<sup>44</sup>. В обоих документах новгородский «совет» (*rad*) упомянут прямо.

Интерпретация упоминания «совета» в документе 1448 г., которую предлагает Ю. Гранберг, полностью ошибочна. Не зная второго документа, он придает большое значение тому обстоятельству, что в первом из них не упоминается архиепископ, без участия которого «совет», по представлению ученого, немислим. Он склонен считать упомянутый там *rad* вечем<sup>45</sup>. Однако в послании 1449 г. новгородский владыка упомянут, а отсутствие его среди адресатов первого письма может быть объяснено тем, что параллельно ему было отправлено отдельное послание<sup>46</sup> (это отмечает сам Ю. Гранберг). Обращаться к вече как к органу непостоянному было бессмысленно, и таких обращений никогда не было. Однако политическая общность, собиравшаяся на вече, среди адресатов названа — это «весь Великий Новгород» или «община Великого Новгорода».

<sup>41</sup> Клейнберг И. Э. Известия о новгородском вече первой четверти XV века в ганзейских источниках. С. 173—174.

<sup>42</sup> HUB. Bd. V. S. 556—557.

<sup>43</sup> LECUB / Begr. von F. G. v. Bunge, fortgesetzt von H. Hildebrand und nach ihm von Ph. Schwartz. Riga; Moskau, 1896. Bd. 10. 1444—1449. S. 358.

<sup>44</sup> Ibid. S. 473.

<sup>45</sup> Гранберг Ю. Совет господ Новгорода в немецких источниках. С. 87.

<sup>46</sup> LECUB. Bd. 10. S. 359—360.



Может быть, однако, поставлен вопрос о вероятном отражении в этих посланиях не новгородской, а ганзейской терминологии. Действительно, в эпоху Средневековья экстраполяция собственных учреждений и порядков на чужие была распространенным явлением. Не могло ли быть так, что авторы любекских посланий, зная, что в любом самостоятельном городе должен быть совет, «нашли» его и в Новгороде? В принципе, такое возможно, но полагаю, что в данном случае так не было. Дело в том, что институции, к которым для решения совершенно конкретных, практических дел обращаются авторы посланий, — это не какие-то условности, а реальные новгородские магистраты, которые называются здесь так, как их всегда называли немцы. Особенно хорошо это видно из сравнения *intitulationes* и *inscriptiones*: адресантами посланий названы «бургомистры и члены совета города Любека» (*borgermeistere unde radmanne der stad Lubeke*)<sup>47</sup>, между тем список адресатов выглядит совершенно иначе: там присутствуют инстанции (например, тысяцкий или «весь Великий Новгород»), которых не было и не могло быть в Любеке. С другой стороны, когда власти одного ганзейского города обращались с посланием к властям другого, они часто обращались не к совету (*rad*), а тоже к бургомистрам и советникам (так, например, в написанном в тот же день, что и письмо в Новгород, послании из того же Любека в Ревель: *heren borghermesteren unde ratmannen to Revel*)<sup>48</sup>.

Совершенно очевидно, что составители посланий хорошо себе представляли, как устроена власть у их русских торговых партнеров, и домысливать «совет», в то время как прочая новгородская политическая специфика была сохранена ими в неприкосновенности, у них причин не было. Отсутствие упоминаний новгородских «ратманов», советников, также кажется неслучайным обстоятельством, связанным с составом новгородского «совета».

Любекские послания не дают о нем никакой конкретной информации (входили ли в «совет» названные среди адресатов должностные лица, входили ли только они). Не сообщают они и о его полномочиях. Зато они показывают, что какая-то структура, которую немцы считали «советом», в Новгороде в 40-е годы XV в. была. То обстоятельство, что авторы посланий находят для нее имя и обращаются к ней в официальной переписке, свидетельствует о ее определенной институционализации. Можно предположить, что «советом» здесь названы те же «новгородские господа», о совещаниях которых шла речь выше.

Приведенные данные, как представляется, полностью опровергают скептическую точку зрения на новгородский «совет». В то же время они заставляют существенно скорректировать представления о нем, сложившиеся еще в XIX — начале XX в. благодаря работам А. И. Никитского и В. О. Ключевского.

Первые более или менее ясные сведения о наличии в Новгороде совещательного органа, меньшего по составу, чем вече, и действовавшего на постоянной основе, относятся не к XIII, а к 30-м годам XIV в. Собственно «советом» этот орган в то время не назывался. Русское название его неизвестно, но ганзейцы называли его *de heren* — «господа» или *de heren van Naugarden* — «господа Великого Новгорода». Известно, что в начале XV в. он состоял из посадника, тысяцкого и пяти кончанских старост. В 40-е годы этого же столетия его состав был уже более широким и включал в себя не только степенных, но и других посадников и тысяцких (неизвестно, впрочем, всех ли), о чем могут свидетельствовать упоминания в документах 1448 и 1449 г. посадников и тысяцких во множественном числе. Кончанские старосты в этих документах не упоминаются, но они, вероятно, входят в число посадников: именно посадниками названо руководство Славенского конца в двух грамотах, выданных славянами в 1461–1467 г. — «посадники великого конца Славенского»; «Славенскаго конца посадники»<sup>49</sup>.

---

<sup>47</sup> Ibid. S. 358, 473.

<sup>48</sup> Ibid. S. 474.

<sup>49</sup> Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949 (далее — ГВНП). С. 148, 172. О датировке см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 221–222.

Тогда же немцы адресуют «совету» (а не только отдельным магистратам) послания и применяют к нему в переписке термин «совет» (*rad*), что нужно, вероятно, считать проявлением институционализации этого органа. В то же время новгородские «господа» в глазах ганзейских партнеров были собранием должностных лиц разного статуса, поэтому к ним, очевидно, и не применялось понятие *ratmanne* (советники), как к членам советов немецких городов.

Новгородский совет занимал в системе власти промежуточную позицию между высшими магистратами и вечем. Четко определенной компетенции у него, по-видимому, не было (впрочем, об этом трудно судить из-за односторонности ганзейских источников, в которых речь идет почти исключительно о торговых делах и связанных с ними конфликтах). Ясно, однако, что к нему обращались, когда какой-то вопрос не мог быть решен магистратами (например, тысяцким или посадником) по отдельности. В то же время сами «господа» еще более высшей инстанцией считали вече и подчеркивали, что окончательное решение в спорных случаях должно принимать именно оно. Однако полномочия «господ», как и других новгородских политических инстанций, не были четко определены. Магистраты могли апеллировать и непосредственно к вечу, как это сделал тысяцкий в декабре 1406 г., заявивший новгородским купцам, что по поводу их дела «он не будет говорить один от имени Великого Новгорода; на это должна быть Божья воля и Великого Новгорода» (*he en reide allene vor Grote Nougarden nicht, it wer Godes wille und Grote Nougarden...*)<sup>50</sup>. В рассказах об апелляциях немецких купцов к новгородским органам власти «господа» могли вообще не упоминаться. Так, например, в послании Немецкого двора в Ревель, предположительно датирующемся 6 июля 1412 г., в котором содержатся жалобы на притеснения со стороны новгородцев, говорится, в частности, об одной из попыток немцев добиться справедливости: «Это дело мы возбуждали, как только могли, сначала перед тысяцким, потом перед епископом, перед посадником и перед всеми новгородцами» (*...dit vorvolghede wi, also wi beste konden, erst vor deme hertogen, darna vor deme bisschope, vor deme borchghreven, unde vor alle Nougardere*)<sup>51</sup>. Посредствующие инстанции между высшими должностными лицами и «всеми новгородцами», т. е. вечем, не упоминаются (тысяцкий назван перед владыкой явно потому, что именно он, в первую очередь, вершил суд по торговым делам и именно к нему сначала обратились ганзейские купцы).

Возникает соблазн сопоставить новгородский совет с псковской «господой», которая нам известна из русских источников, прежде всего из Псковской судной грамоты (далее — ПСГ)<sup>52</sup>. Из нее следует, что это был высший судебный орган, разбиравший различные спорные дела. В 25-й статье ПСГ прямо говорится, что истец должен встать «на суд пред господою»<sup>53</sup>.

«Господа» представляла собой коллегия, состоявшую из князя (или его наместника), посадников и сотских. В ПСГ как высшая судебная инстанция упоминается либо «господа», либо перечисляются, очевидно, ее члены. Например, в 10-й и 12-й статьях обсуждается один и тот же юридический казус. Решаться он должен «пред господою», а «подсудничье» причитается «князю и посадником и с сотскими всеми»<sup>54</sup>. Очевидно, что речь идет об одном и том же судебном органе, только сначала он назван обобщенно, а потом перечисляются его члены. Таковую же взаимозамену мы видим в статьях 18 и 20<sup>55</sup>.

<sup>50</sup> HUB. Bd. V. S. 394.

<sup>51</sup> Ibid. V. S. 550.

<sup>52</sup> О псковской «господе» см.: *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980. С. 19; *Pickhan G.* *Gospodin Pskov. Entstehung und Entwicklung eines städtischen Herrschaftszentrums in Altrussland.* Berlin, 1992 (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 47). S. 219; *Baranowski G.* *Die Gerichtsurkunde von Pskov.* Frankfurt am Main etc., 2008. S. 78 (там и историография).

<sup>53</sup> Памятники русского права. М., 1953. Вып. II. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / Сост. А. А. Зимин (далее — ПРП. Вып. II). С. 289.

<sup>54</sup> Там же. С. 287.

<sup>55</sup> И. О. Колосова считает, что в разных статьях ПСГ среди членов «господы» названы либо только один, либо два посадника (*Колосова И. О.* «...и посадникам доложить Господина Пскова на вече...» (Краткий очерк социально-политической истории Псковской феодальной республики) // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков, 1992. URL: <http://edapсков.narod.ru/kolposadn.txt> (дата обращения: 02.07.2011)). Но это неосновательно: в статьях 1 и 4, на которые ссылается исследовательница, и где упоминается один посадник, речь идет вообще не о «господе», а соответственно о суде князя и смешанном суде князя и посадника (ПРП. Вып. II. С. 286).



В 24-й статье ПСГ оказывается, что у «господы» есть «свои люди», которых посылают «суду»<sup>56</sup>, т. е. они выполняют функции своеобразных судебных приставов. Сразу же вспоминаются новгородские *roperen bi der heren rade* (биричи?).

Примечательна и многозначность понятия «господа» в ПСГ. 57-я статья подразумевает, что в ходе судебного разбирательства подозреваемый в краже может заявить князю и посаднику: «у мене, господо, теи приставы не бывали»<sup>57</sup>. Понятно, что в данном случае «господо» — это просто уважительное обращение (хотя в предметном указателе к соответствующему тому ПРП оно не отделяется от упоминаний «господы» как органа<sup>58</sup>).

Соотношение между «господой» и вечем в Пскове, в принципе, такое же, как между новгородскими «господами» и новгородским же вечем. Более того, ПСГ дает даже несколько более ясную с правовой точки зрения картину. Вот так, согласно 106-й статье, должны решаться земельные споры, если есть «грамоты», т. е. юридическая база, к которой могут апеллировать стороны: «А кто с ким ростяжуются о земли или о борти, да положат грамоты старые и купленную свою грамоту, и его грамоты зайдут многих бо сябров земли и борти и сябры все станут на суд в одном месте, отвечаючи кто же за свою землю, или за борть, да и грамоты пред господою покладут (выделено мной. — П. Л.), да и межников возмут, и той отведут у стариков по своей купной грамоте свою часть, — ино ему правда дати на своей части»<sup>59</sup>. Конкретно эта ситуация раскрывается в правой грамоте псковского князя Ярослава Владимировича 1483 г., где говорится, что тяжущиеся стороны положили купчие грамоты «передъ осподой», и тут же оказывается, что этой «осподой» (господой) являются князь, посадники и сотские<sup>60</sup>.

А если грамот не было, и юридические основания для решения вопроса отсутствовали? Тогда вступала в действие 108-я статья ПСГ: «А которой строке пошлинной грамоты нет, — и посадником доложить господина Пскова на вечи, да тая строка написать. А которая строка в сей грамоте нелюба будет господину Пскову, ино та строка волно выписать вонь из грамот»<sup>61</sup>. Вече (= господин Псков), таким образом, выступает, выражаясь современным языком, как высший законодательный орган власти, а «господа» — как исполнительный и судебный. Новые источники права создает вече, а применяет их «господа»<sup>62</sup>.

Функциональная близость похожих политических институтов русских средневековых республик очевидна, хотя состав их был неодинаков. В Новгороде в него, по-видимому, не входили сотские, зато входили тысяцкий/тысяцкие, местный архиерей и кончанские старосты, которых либо не было в Пскове, либо они не играли такой же значительной роли, что в Новгороде. В отличие от Пскова, в Новгороде как члены «совета» не упоминаются князь или его наместник.

Не называли ли в Новгороде XIV—XV в. коллегиальный орган узкого состава, как и в Пскове, «господой»?<sup>63</sup> Учитывая, что к нему постоянно прилагается обозначение *de heren* («господа»), такое предположение не кажется слишком смелым, тем более что утвердившееся в научной традиции произношение «госпóда», очевидно, ошибочно. Древнерусское слово «господа» не является, в отличие от аналогичного слова современного русского языка, множественным

<sup>56</sup> ПРП. Вып. II. С. 288.

<sup>57</sup> Там же. С. 293—294.

<sup>58</sup> Там же. С. 391.

<sup>59</sup> Там же. С. 299.

<sup>60</sup> ГВНП. С. 326—327.

<sup>61</sup> Там же. С. 300.

<sup>62</sup> В историографии, напротив, распространено представление о противостоянии псковского «боярского» совета и веча, в ходе которого первый старался оттереть второе от реальной власти (впервые, по-видимому, у А. И. Никитского: *Никитский А.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873. С. 146). Представление А. И. Никитского о боярском совете в Пскове основано не на источниках, а на общих соображениях. См. о соотношении властных полномочий веча и «господы» в Пскове: *Ключевский В. О.* Боярская дума древней Руси. С. 200—204; *Кафенгауз Б. Б.* Древний Псков. Очерки по истории феодальной республики. М., 1969. С. 53—54, 106.

<sup>63</sup> Такая догадка, правда, без аргументации уже высказывалась: Очерки по истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. М., 1953. Ч. II. С. 179 (текст А. Н. Насонова).

числом от «господин», это было собирательное существительное женского рода<sup>64</sup> единственного числа. Только впоследствии эта форма получила значение формы множественного числа к существительному «господин»<sup>65</sup>. Это слово принадлежало к акцентной парадигме *b*<sup>66</sup>, и произноситься оно должно было с ударением на *окончании*: «господá»<sup>67</sup>. Предположение о том, что *heren* немецких источников могло соответствовать псковской «господе», уже высказывалось<sup>68</sup>. Разница в числах не должна, по-видимому, смущать. Собирательные существительные единственного числа, как отмечает А. И. Соболевский, в «древности нередко... имели при себе глагол и определение множ. ч.» («отвѣщавше дружина рекоша»; «отврѣжени быша латина»)<sup>69</sup>. Это вполне могло провоцировать немцев передавать «господу» формой множественного числа.

Возникает естественный вопрос: почему о новгородской «господе» отсутствуют данные в древнерусских источниках?

Что касается летописей — основного источника по истории средневекового Новгорода, то Новгород здесь не уникален. Псковская «господа» точно так же *ни разу* не упоминается в псковских летописях. Можно думать, с чем это было связано (скорее всего, со слабым интересом летописцев к вопросам внутреннего управления и повседневному судопроизводству), но считать это аргументом против новгородского правительственного «совета» нельзя.

Что касается актов, то тут ситуация хотя и несколько иная, но также не столь очевидная, какой представляется на первый взгляд. Псковская «господа» упоминается несколько раз в ПСГ и только в одном акте — указанной выше правой грамоте 1483 г. Единственная известная новгородская правая грамота датируется намного более ранним временем — первой четвертью XV в. (до 1418—1419 г.)<sup>70</sup> и была выдана в связи с очень частным, малосущественным делом — включением некоего Власа (Уласка) Тупицына в волостной разруб княжеостровцев<sup>71</sup>. Собирать для этого «господу» не было никакой необходимости, и дело было решено двумя посадниками и сотским, к тому же, по обоснованному предположению В. Л. Янина, это были вообще не новгородские посадники, а двинские<sup>72</sup>. В Пскове же судились два могущественных монастыря: Снетогорский и Козмодемьянский, да еще и светские землевладельцы. Для решения этого запутанного дела понадобилось организовать специальное следствие, в ходе которого на спорную территорию выезжала комиссия в составе княжого боярина Михаила Чета и сотского Климияты, а также были осуществлены поиски очевидца-старожила<sup>73</sup>. Распоряжаться тут могла, конечно, только весьма представительная структура, каковой и была «господа».

В Новгородской судной грамоте (далее — НСГ) — тексте, в два раза более кратком, чем ПСГ, и сохранившемся не полностью, «господа» действительно прямо не упоминается. Обращают на себя внимание, однако, статьи 26 и 27, в которых речь идет как раз о суде. В первой из них говорится о «докладе» — суде высшей инстанции: «А докладу быти во владычне комнате, а у докладу бытъ ис конца по боярину да по житьему [да ко]и люди в суде сидели, да и приставом; а иному никомуже у доклада не бытъ»<sup>74</sup>. Итак, суд вершат представители концов

<sup>64</sup> А не среднего, как это указано в авторитетном словаре (см.: Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. М., 1989. Т. II. С. 365).

<sup>65</sup> Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. 5-е изд. М., 2005. С. 219, 221; Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. 3-е изд. М., 2006. С. 198.

<sup>66</sup> Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. С. 135.

<sup>67</sup> См. также: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. М., 1986. Т. I. С. 445; Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1986. Вып. 7. С. 146.

<sup>68</sup> Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. С. 197; Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. С. 198.

<sup>69</sup> Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. С. 220—221.

<sup>70</sup> О датировке см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. С. 302.

<sup>71</sup> ГВНП. С. 148—149.

<sup>72</sup> Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. С. 302.

<sup>73</sup> ГВНП. С. 326—328.

<sup>74</sup> ПРП. Вып. II. С. 215.

(боярин и житий); некие люди «кои... в суде сидели», присутствуют также приставы. Далее говорится о присяге судей: «А кому сести на докладе, ино ему крест целовать на сей на крестной грамоте одна». Следующая, 27-я, статья также говорит о крестоцеловании судей: «А посаднику и тысячцкому и владычню наместнику и их судьям и иным судьям, всим крест целовать да судить им в правду»<sup>75</sup>. Складывается впечатление, что «кои люди в суде сидели» — это «их» судьи 27-й статьи, т. е. судьи первой инстанции, представляющие высших магистратов, а «иные судьи» — представители от концов. В таком случае «идеальный», высший состав новгородского суда, если иметь в виду самих магистратов, а не их представителей, получается таким: архиепископ, посадник, тысяцкий, пять бояр и пять житых от концов. За исключением житых, это уже известный нам по ганзейским источникам состав новгородской «господы». Впрочем, точной датировки НСГ не существует, и нельзя исключать, что к моменту ее составления в состав «господы» входили и представители житых. Ведь, согласно Уставу Всеволода купеческой организации церкви Ивана на Опоках, старосты от житых принимали участие в суде по торговым делам<sup>76</sup>, а значит, в принципе, могли выступать в Новгороде в качестве судей.

Присутствуют на суде и, очевидно, выполняют его решения приставы, которых можно отождествить с известными нам уже *goreren*-биричами. Более того, если бы в ПСГ и правой грамоте 1483 г. отсутствовал термин «господа»/«оспода», состав псковского правительственного совета мог бы быть реконструирован точно таким же образом на основании перечисления членов высшего суда.

\* \* \*

Доказательство наличия в средневековом Новгороде правительственного совета, возможно, носившего название «господá», важно и с общеисторической точки зрения. Его предполагаемое отсутствие часто служит аргументом для тех исследователей, которые склонны отрицать близость политических институтов Новгорода и западноевропейских городов-коммун. То обстоятельство, что «совет» в Новгороде все-таки был — пусть и, скорее всего, не достиг той степени политико-юридического развития, как городские советы его ганзейских партнеров, — заставляет снять эту гирилку с той чаши весов, на которой лежат аргументы в пользу исключительной специфики политического строя «севернорусских народоправств» на общеевропейском фоне, и вновь вернуться к вопросу о типологии новгородской государственности.

---

<sup>75</sup> Там же.

<sup>76</sup> ДКУ. С. 161, 164.